

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ. ЦѢНА 10 КОП.

Свѣтовыя картины къ настоящему чтенію
(для аудиторій):

1) Памятникъ Пржевальскому въ Петербургѣ.
2) Видъ на рѣкѣ Амурѣ.
3) Видъ Владивостока.
4) Видъ степи Гоби, или Шамо.
5) Великая Китайская стѣна.
6) Типы Монголовъ.
7) Монгольская юрта.
8) Видъ Пекина.
9) Китайскій мандаринъ.
10) Кумирня Чейбсенъ.
11) Видъ Кульджи.
12) Видъ озера Лобъ-Норъ.
13) Буря въ пустынѣ.
14) Горы Тянь-Шань.
15) Типы цайдамскихъ Монголовъ.
16) Типъ племени Еграевъ.
17) Типы Тибетцевъ.
18) Горный быкъ-якъ.
19) Типы Тангутовъ.
20) Портретъ Н. М. Пржевальскаго.
21) Памятникъ въ Пржевальскѣ.

ЗНАМЕНИТЫЙ

РУССКІЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ,

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ

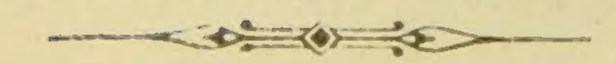
ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

Съ портретомъ.

Изданіе Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

На средства бывшаго Издательскаго Общества.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Бассейная, № 14.
1902.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Сентября 1902 года.

Въ Петербургѣ на одной изъ лужаекъ Александровскаго сада стоитъ памятникъ. На вершинѣ гранитной скалы бронзовое изображеніе молодого военнаго. У подножія лежитъ верблюдъ, завьюченный какъ бы въ дальній путь.

Кому этотъ памятникъ? за какіе подвиги? Это памятникъ русскому генералу Николаю Михайловичу Пржевальскому. Не зная устали работалъ онъ всю жизнь и умеръ на далекой окраинѣ, на границѣ Россіи съ Китаемъ.

Граница нашей страны съ китайскимъ государствомъ тянется на тысячи верстъ. Населеніе Китая, равняющееся четвертой части всего человѣчества, скучено на юго-востокѣ, а въ нашемъ сосѣдствѣ тянутся безконечныя пустыни. Страны эти до послѣднихъ дней были совсѣмъ не извѣданы. Недружелюбіе китайцевъ къ иноземцамъ, дикость кочевыхъ народовъ, имъ подчиненныхъ, безплодныя степи, непроходимыя болота, подымающіяся выше облаковъ дикія горы, суровый климатъ, обращали путешествіе

1*

по этимъ краямъ въ непрерывную борьбу съ ихъ природой и дикими обитателями.

Николай Михайловичъ Пржевальскій первый проникъ въ глубь этихъ пустынь, прошелъ тамъ, гдѣ не ступала еще нога европейца; четыре раза пускался онъ въ путешествія; слишкомъ семь лѣтъ провелъ въ скитаніяхъ. Онъ прошелъ 29.585 верстъ, добылъ много рѣдкихъ звѣрей, птицъ и растеній. Какія трудности и опасности онъ перенесъ со своими спутниками, увидимъ изъ разсказа о его путешествіяхъ, имъ самимъ описанныхъ.

Не всякому человѣку подъ силу исполнить то, что выполнилъ Пржевальскій. Отказаться отъ семьи, отъ круга близкихъ людей, отъ удобствъ мирной жизни на родинѣ и лучшіе годы жизни отдать на борьбу съ дикими звѣрями и людьми, на звѣрей похожими, скитаться по пустынямъ, терпѣть стужу и голодъ, зной и жажду—сможетъ далеко не каждый!

Знаменитый путешественникъ родился 31 марта 1839 г. въ селѣ Кимбровѣ, въ 40 верстахъ отъ г. Смоленска, отъ небогатаго помѣщика Михаила Кузмича Пржевальскаго и жены его Елены Алексѣевны. Семи лѣтъ онъ лишился отца и остался съ братомъ на попеченіи строгой матери и няньки-баловницы, Макарьевны. Съ ними поселился братъ ихъ ма-

тери, Павелъ Алексѣевичъ Каретниковъ, страстный охотникъ; онъ занимался съ племянниками, а послѣ занятій училъ мальчиковъ стрѣлять и бралъ иногда съ собой на охоту. Дѣти росли на всей деревенской свободѣ, въ однѣхъ рубашенкахъ бѣгали подъ дождемъ, закаляя свое здоровье. Лѣтомъ любимымъ занятіемъ ихъ была ловля бабочекъ и прогулки въ дремучемъ лѣсу, гдѣ водились и медвѣди. Въ 1849 году братьевъ отвезли въ Смоленскъ и отдали въ гимназію. Они учились хорошо и Николай шелъ первымъ. Въ 1855 году, кончивъ гимназію, братъ его поступилъ въ университетъ, но доходившіе съ войны разсказы о геройской защитѣ Севастополя увлекли Николая Михайловича: не слѣдуя за братомъ, онъ рѣшился избрать себѣ другое поприще и поступилъ на военную службу въ рязанскій пѣхотный полкъ. Но на войну не удалось ему попасть: полкъ только передвигали съ мѣста на мѣсто и молодому юнкеру пришлось испытать всѣ невзгоды походной жизни. Въ 1856 году Пржевальскій былъ произведенъ въ прапорщики и черезъ годъ поѣхалъ держать экзаменъ въ Академію Генеральнаго Штаба, въ Петербургѣ. Поступивъ въ Академію, онъ все время усиленно работалъ; кромѣ академическаго курса много занимался исторіей и естественными науками.

Вскорѣ по окончаніи академіи Пржевальскій былъ назначенъ въ Варшавское юнкерское училище взводнымъ офицеромъ и учителемъ исторіи и географіи. Со всѣмъ пыломъ молодого, дѣятельнаго человѣка отнесся онъ къ своей новой должности. Всѣ силы свои прилагалъ онъ къ тому, чтобы возбудить въ ученикахъ любовь къ наукѣ, продолжая самъ въ то же время въ свободные часы читать и учиться. О своихъ юнкерахъ Николай Михайловичъ заботился какъ отецъ родной и внѣ службы былъ для нихъ не начальникомъ, а любимымъ старшимъ товарищемъ.

Но страсть къ путешествіямъ не давала ему покоя, а средства путешествовать не позволяли. Тогда онъ рѣшается снова перемѣнить службу на такую, которая дала бы ему возможность побывать въ неизвѣстныхъ странахъ. Въ то время только что былъ присоединенъ къ Россіи обширный Амурскій край, совсѣмъ еще не извѣданный, и туда-то стремился Пржевальскій. Это ему удалось. Его причислили къ Генеральному Штабу и назначили на службу въ Восточно-Сибирскій военный округъ, въ составъ котораго входилъ новопріобрѣтенный Амурскій край. Прибывъ въ городъ Иркутскъ, гдѣ былъ расположенъ штабъ округа, онъ немедленно принялся искать себѣ трудъ и ра-

боту. Вскорѣ его желанія исполнились и его командировали въ Южно-Уссурійскій край—самую далекую окраину земли русской на востокѣ, омываемую Японскимъ моремъ. Но командировка—дѣло службы, и лишь свободное отъ нея время можно было отдать наукѣ. Николаю Михайловичу однако это было дѣло привычное; и служа въ полку, между караулами и ученьями, и въ юнкерскомъ училищѣ, среди занятій съ юнкерами, онъ умѣлъ находить время заниматься любимыми своими науками. Дорогъ и памятенъ каждому человѣку тотъ день, когда исполнятся его завѣтныя стремленія,—«такимъ днемъ для меня», говоритъ въ своемъ дневникѣ Пржевальскій, «было 26 мая 1867 года, когда я пустился въ свое первое путешествіе». Не легокъ былъ путь. Переправившись черезъ бурное Байкальское озеро, Пржевальскій поѣхалъ на перекладныхъ по Забайкальской области. Былъ май мѣсяцъ, но случались частые морозы и вся земля покрывалась инеемъ. Отъ города Срѣтенска шли внизъ по рѣкѣ Амуру пароходы, но ходили они рѣдко, тихо, и часто садились на мель, такъ какъ рѣки еще не знали и нельзя было достать хорошихъ лоцмановъ. Не проѣхалъ нашъ путникъ и ста верстъ, какъ пароходъ ударился о подводный камень и пробилъ себѣ дно.

Николай Михайловичъ подговорилъ одного изъ спутниковъ не дожидаться починки парохода, вмѣстѣ съ нимъ добылъ какую-то утлую ладью и поплылъ дальше по рѣкѣ, не пропуская однако случая поохотиться дорогой, чтобы подстрѣлить какого нибудь рѣдкаго звѣря или птицу, или сорвать невиданное еще растеніе. Вставая съ восходомъ солнца, пускались они въ путь, но съ восходомъ же солнца подымалась изъ прибрежныхъ дремучихъ лѣсовъ и болотъ всякая мошкара, нападая на путниковъ цѣлыми тучами, обдавая ихъ сразу со всѣхъ сторонъ. Спустившись по теченію рѣки Амура и поднявшись по Уссури, Пржевальскій достигъ города Владивостока — главнаго города Уссурійскаго края, гдѣ и остался полтора года, исходивъ весь край вдоль и поперекъ по различнымъ казеннымъ надобностямъ, не теряя ни одного свободнаго часа даромъ. Онъ принималъ, между прочимъ, участіе въ войнѣ съ китайскими разбойниками, которые вторглись въ наши предѣлы и грабили поселенцевъ. Даже зимой странствія не прекращались. Все время пѣшкомъ, цѣлыми днями ходилъ онъ по горамъ и дремучимъ лѣсамъ. Придя за часъ или полтора до заката на ночлегъ, Пржевальскій самъ со своими солдатами развьючивалъ лошадей и рубилъ хворостъ для костра и под-

стилки, чтобы спать не на голой землѣ, а, пока варился обѣдъ (въ пути же убитая дичина), разогрѣвъ на огнѣ замерзшія чернила, писалъ свои путевыя замѣтки и чертилъ пройденный путь. Много разъ ночью проснется путникъ подбавить хворосту въ гаснущій костеръ или повернуть къ огню закоченѣвшій бокъ или спину. «Съ одной стороны Петровки, а съ другой Рождество»—говаривали про такія ночевки у костра солдатики—спутники Николая Михайловича.

Въ 1870 году окончились три года обязательной выслуги на дальней окраинѣ и Пржевальскій поѣхалъ въ Петербургъ. Но не отдыхать стремился онъ въ столицу, нѣтъ, онъ мечталъ о томъ, чтобы получить возможность снова ѣхать въ невѣдомыя страны. Привезенныя въ Петербургъ 2000 растеній, 300 чучелъ звѣрей и птицъ, 500 различныхъ яицъ, множество бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ, и цѣлая книжка, имъ составленная, описаніе Уссурійскаго края—показали начальству и ученымъ людямъ, съ какой пользой съумѣлъ Пржевальскій употребить свое время. Поэтому когда Николай Михайловичъ сталъ снова проситься въ путь, то и военное начальство и ученое Императорское Географическое общество рѣшили помочь ему: его снарядили на три года

на развѣдки въ невѣдомыя мѣста китайскаго государства.

Чтобы путешествовать по китайской землѣ, надо получить паспортъ отъ китайскаго правительства, для чего Пржевальскій и направился со своимъ товарищемъ, молодымъ офицеромъ Пыльцовымъ, и двумя казаками, изъ пограничнаго русскаго города Кяхты въ Пекинъ, столицу китайской имперіи. Путь отъ русской границы идетъ черезъ степь Гоби, или Шамо, какъ ее тоже называютъ,—безграничную равнину, перерѣзанную мѣстами грядами скалистыхъ холмовъ. Верстъ на двѣсти отъ границы степь эта поросла травой и служитъ пастбищемъ безчисленнымъ стадамъ лошадей, верблюдовъ, барановъ и рогатаго скота. Далѣе равнина покрыта крупнымъ пескомъ и мелкою галькою; лишь въ низинахъ, гдѣ дольше держится дождевая вода, показывается мѣстами рѣдкое растеніе «дырисунъ» со своими длинными и крѣпкими какъ проволока стеблями, а больше ни кустика, ни деревца. Да какъ имъ и вырости безъ воды, при жарахъ нестерпимыхъ, лютыхъ морозахъ, при весеннихъ и осеннихъ буряхъ, когда вѣтеръ вырываетъ даже низкорослую полынь и, скручивая ее въ цѣлые снопы, катаетъ на сотни верстъ по пустынѣ. Тяжелъ путь въ пустынѣ, цѣлыя не-

дѣли сряду тянется неоглядная равнина. Мѣрно шагаютъ завьюченные верблюды и идутъ сотни, тысячи верстъ, а пустыня все та-же: ни рѣчки, ни ручья до самого Китая, лишь во время лѣтнихъ дождей на глинистыхъ низменныхъ мѣстахъ появляются лужи—озера.

Наконецъ передъ глазами путника показываются горы, сначала вдали, точно темныя облака, потомъ все яснѣе и яснѣе вырисовывается мощный горный хребетъ, которымъ отдѣлены теплыя страны самаго Китая отъ холодныхъ сѣверныхъ равнинъ, населенныхъ подчиненными китайцамъ кочевыми племенами. По этому хребту пролегаетъ и тянется дальше на югъ та знаменитая великая китайская стѣна, которою китайскіе государи хотѣли отдѣлить свое государство отъ всего остального міра. Стѣна сложена изъ огромныхъ камней, высотой сажень до трехъ и толщиною въ основаніи до четырехъ; на выдающихся мѣстахъ высятся башни не далѣе версты другъ отъ друга. Какъ темная змѣя тянется по вершинамъ хребта эта громада, строившаяся сотни лѣтъ, стоившая жизни тысячамъ людей, но не спасшая Китая ни отъ набѣговъ дикихъ ордъ монголовъ, ни отъ пытливыхъ взоровъ европейцевъ. Все это пространство населено народомъ монгольскимъ, тѣмъ самымъ народомъ, который завоевалъ 600

лѣтъ тому назадъ почти всю русскую землю и кому больше двухсотъ лѣтъ платилъ дань русскій народъ. Выросъ и окрѣпъ русскій народъ, разбогатѣла русская земля, обильная и могучая, прогнавъ монголовъ въ ихъ степь, а монгольскій народъ и теперь остался такимъ, какъ былъ 500 лѣтъ назадъ; такъ же живутъ они лишь своими стадами и кочуютъ по степи въ войлочныхъ палаткахъ. Теперь они подчинены китайцамъ, но управляются своими князьями, прямыми потомками великихъ хановъ—завоевателей міра. Но только при князьяхъ состоятъ китайскіе чиновники, не позволяющіе имъ и шагу сдѣлать безъ ихъ согласія. Податей монголы не платятъ, а обязаны содержать лишь почту и пограничные караулы, да въ случаѣ войны выставлять конное ополченіе. Разъ въ три года всякій князь долженъ съѣздить въ Пекинъ на поклонъ богдыхану — императору китайскому и привезти ему подарки, за что получаетъ отвѣтный подарокъ. Китайцы этимъ хотятъ удержать монголовъ въ своемъ подданствѣ, располагая въ свою пользу князей, выдавая даже за нихъ замужъ своихъ княженъ и задаривая духовенство, но простой народъ монгольскій терпѣть не можетъ китайцевъ, потому что китайскіе купцы его страшно обманываютъ, солдаты просто грабятъ, а чиновни-

ки при своихъ разъѣздахъ не только не платятъ прогонныхъ денегъ, но и грабятъ, отбирая на станціяхъ все, что только имъ приглянется. Знаютъ монголы, что за недалекой границей ихъ же соплеменники живутъ мирно подъ защитою Бѣлаго Царя и принимаютъ русскихъ путниковъ радушно, если только вблизи нѣтъ китайскаго чиновника, и надѣются, что наступитъ время, когда Бѣлый Царь возьметъ ихъ подъ свою высокую руку.

Всего монголовъ числомъ до двухъ милліоновъ. На видъ росту они средняго, имѣютъ смуглую кожу, широкія, плоскія, съ выдающимися скулами, лица, узкіе косые глаза, рѣдкіе и жесткіе черные волосы. У китайцевъ они переняли обычай брить голову, оставляя лишь на затылкѣ клокъ волосъ, который отращиваютъ и заплетаютъ въ косу. Монголки же головъ не брѣютъ, а волосы заплетаютъ въ двѣ косы и носятъ ихъ спереди, по обѣимъ сторонамъ груди. Одежда мужчинъ состоитъ изъ халата синей китайской бумажной матеріи, дабы — китайскихъ сапогъ, и плоской шляпы съ отогнутыми кверху полями. Зимой надѣваютъ бараньи длинныя шубы и такія же шапки. Женщины носятъ почти такой же халатъ, только безъ пояса, а поверхъ его что-то вродѣ нашей безрукавки. Платья они не моютъ и носятъ не

снимая, пока оно не сносится; спятъ не раздѣваясь. Жилищемъ имъ служитъ войлочная палатка—юрта. Она дѣлается круглой, изъ тонкихъ жердей, перевязанныхъ въ рѣшетки, и обтягиваются войлокомъ. Сверху оставляется отверстіе для выхода дыма и посреди устраивается очагъ, гдѣ цѣлый день горитъ аргалъ—сухой пометъ скота и дикихъ звѣрей — единственное топливо во всей степи. За очагомъ, напротивъ входа, ставятся бурханы—деревянные идолы, вокругъ огня раскладываются войлоки; здѣсь и сидятъ, здѣсь и спятъ вповалку всѣ жители юрты и заѣзжіе гости. Занимаются монголы скотоводствомъ. Все ихъ имущество заключается въ стадахъ барановъ, лошадей, верблюдовъ, рогатаго скота и въ небольшомъ количествѣ козъ. Получая отъ стадъ все нужное для своей жизни: мясо, молоко, кожи, шерсть и даже деньги—за перевозку на верблюдахъ—они и сами живутъ для стадъ. Гдѣ есть кормъ и водопой, тамъ и ставятъ они свои юрты. Траву ли съѣдятъ стада, пересохнутъ ли колодцы, монголы разберутъ свои становища, навьючатъ ихъ на верблюдовъ и гонятъ на новое мѣсто свои стада.

Не великъ ихъ трудъ: въ степи просторно, ни границъ, ни межей никакихъ нѣтъ, стада бродятъ цѣлый день безъ присмотра, лишь

разъ въ сутки надо ихъ пригнать на водопой. Женщины и дѣти заняты домашними работами: доятъ скотъ, прядутъ шерсть, варятъ пищу. Мужчины шагу не дѣлаютъ пѣшкомъ, у юрты всегда стоитъ привязанная лошадь—если сосѣдняя юрта находится въ двухъ шагахъ, то и въ такомъ случаѣ монголъ ѣдетъ верхомъ. Цѣлый день въ юртѣ горитъ огонь и варится чай. Сырой воды монголы боятся и пьютъ всегда чай; пьютъ его много, по десяти, по пятнадцати чашекъ за разъ. Чай (кирпичный) покупаютъ они въ Китаѣ и варятъ его разно: съ солью и молокомъ—это какъ питье; но онъ же замѣняетъ имъ и супъ, и тогда его варятъ, замѣшивая сухимъ жаренымъ просомъ, масломъ и бараньимъ саломъ. Зимою каждый день монголы ѣдятъ мясо, почти всегда баранье, вареное съ саломъ, фунтовъ по 10 на человѣка, а есть обжоры, что съѣдаютъ и цѣлаго барана. Въ дорогѣ мяса они не варятъ, а рѣжутъ сырое ломтями и кладутъ на спину лошади или верблюду подъ сѣдло и, когда оно провялится, ѣдятъ. Пищу берутъ прямо руками: захвативъ кусокъ зубами, ножемъ обрѣзаютъ его у самаго рта, сколько можно проглотить за разъ. На конѣ монголы неутомимы и въ безбрежной степи какъ дома: и днемъ и ночью знаютъ они свой путь. Они никогда не

скажутъ направо, налѣво, а всегда: на сѣверъ, на востокъ; такъ привыкли эти кочевники всегда узнавать страны свѣта. Разстояніе мѣряютъ ходомъ верблюдовъ, говоря: отсюда къ югу пять дней ѣзды на добромъ верблюдѣ. Женъ имѣютъ смотря кто сколько можетъ содержать и купить, такъ какъ за дѣвушку платится калымъ или выкупъ ея родителямъ и родственникамъ, но первая жена всегда почитается за старшую и хозяйку въ юртѣ.

Грамотны у нихъ лишь князья да жрецы, которые зовутся ламами. Вѣру монголы исповѣдуютъ буддійскую, они вѣруютъ, что духъ ихъ бога Будды живетъ постоянно на землѣ, и живетъ въ тѣлѣ ихъ первосвященника, называемаго Далай-Лама и живущаго въ далекой горной странѣ Тибетѣ, въ святомъ, по ихъ мнѣнію, городѣ Лхассѣ. Когда Далай-Лама умираетъ, они думаютъ, что душа его переносится въ какого нибудь въ эту минуту родившагося младенца. По особымъ примѣтамъ-гаданьямъ они узнаютъ, въ какого именно младенца переселилась душа покойнаго, берутъ ребенка и везутъ въ Лхассу вмѣстѣ съ родителями, а трехъ лѣтъ уже сажаютъ его во время церемоній на престолъ въ главномъ храмѣ—кумирнѣ, куда къ нему стекаются со всего міра буддисты на поклоненіе. И въ Рос-

тіи есть буддисты: въ Сибири народъ буряты, а въ Астраханской губерніи, на низовьяхъ Волги,— калмыки. По всѣмъ странамъ, гдѣ только живутъ буддисты, настроены ихъ храмы—кумирни: около кумиренъ всегда расположены монастыри, гдѣ и живутъ ламы. Одни лишь зная свою грамоту, ламы держатъ простой народъ въ невѣжествѣ и обманываютъ всякими мнимыми чудесами.

Въ китайской столицѣ, Пекинѣ, Николай Михайловичъ Пржевальскій со своими спутниками встрѣтилъ самое радушное гостепріимство въ нашемъ посольствѣ. Ему помогли выправить паспортъ и снарядиться въ путь. Неохотно пускаютъ китайцы чужеземца путешествовать по ихъ странѣ: не вѣрятъ они, что могутъ найтись люди, готовые идти въ дикія горы и страшныя пустыни для какой то науки. «Вѣрно выискать наши слабыя мѣста идетъ чужеземецъ», думаютъ они, «высмотритъ, да и наведетъ потомъ враговъ». И называютъ китайцы всякаго иноземца «янъгуйза», что значитъ заморскій чёртъ, и всѣми правдами и неправдами стараются отдѣлываться отъ непрошенныхъ гостей. Первою цѣлью Пржевальскаго было изслѣдованіе ближайшихъ мѣстностей къ сѣверу отъ Пекина и вдоль Великой китайской стѣны. Незначительныя денежныя средства заставили его ограни-

читься весьма скромнымъ караваномъ, всего изъ двухъ лошадей и семи верблюдовъ, при двухъ казакахъ, такъ что нашему путешественнику приходилось самому ходить за животными, пасти, поить и вьючить ихъ, собирать топливо, приготавливать пищу и еще по очереди съ казаками не спать по ночамъ, а караулить, чтобы не быть ограбленнымъ. Сопротивленіе китайцевъ путешествію сказалось на первыхъ же порахъ. Въ первомъ по дорогѣ городѣ путешественниковъ не пустили ни въ одинъ домъ, подъ предлогомъ, что мѣстъ нѣтъ. Пришлось ночевать за городскими стѣнами. Мѣстные жители не хотѣли продавать ничего съѣстного, впослѣдствіи сознались, что имъ такъ было приказано отъ начальства. Съемку пути приходилось дѣлать украдкой, чтобы невиданный инструментъ буссоль (компасъ на подставкѣ и съ прицѣломъ) не возбудилъ подозрѣнія. Каждый проходъ черезъ селеніе былъ просто пыткой. Толпа обступала путниковъ, распрашивая: кто они, куда идутъ и зачѣмъ что у нихъ съ собою, все ощупывая и осматривая.

Какъ-то попался на встрѣчу отрядъ китайскихъ солдатъ, на видъ оборванная толпа разбойниковъ—кто съ саблей, кто съ пикой, кто съ ружьемъ, но какое же ружье? фитильное. Чтобы стрѣлять изъ него, надо огнивомъ высѣчь огонь, зажечь фитиль и фитилемъ уже поджечь по-

и разоряющіе мирныхъ монголовъ, которые и отпора имъ дать не могутъ, такъ какъ оронгыны дѣлятся своей добычей съ китайскими чиновниками, привлекая ихъ тѣмъ на свою сторону. Цайдамскіе монголы живутъ въ деревняхъ, называющихся хырмами. Хырмы всѣ обнесены, для защиты отъ разбойниковъ, глиняными стѣнами. У одной такой хырмы, гдѣ жилъ князь Дзунъ-Засакъ, караванъ остановился: надо было собраться съ силами къ странствію въ Тибетъ, который начинался здѣсь за высокими горами; надо было пополнить запасы для себя и для вьючныхъ и верховыхъ животныхъ. Но князь Дзунъ-Засакъ не хотѣлъ ничего продавать. Тогда Пржевальскій рѣшился на крутую мѣру: онъ схватилъ князя и посадилъ подъ арестъ къ себѣ въ палатку. На другой же день появились и верблюды, и пшено, и масло. Въ особенности важно было перемѣнить верблюдовъ, потому что прежніе, измученные трудностями пути, отказывались служить. 12-го сентября караванъ тронулся въ горы.

Тибетъ самая обширная изъ неизслѣдованныхъ еще странъ міра. Окруженная заоблачными горами со всѣхъ сторонъ, она подымается въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ надъ уровнемъ моря слишкомъ на четыре версты. На

такой высотѣ воздухъ до того рѣдкій, что становится трудно дышать; люди начинають страдать одышкой, сердцебіеніемъ, голова кружится, человѣкъ скоро устаетъ и совсѣмъ изнемогаетъ; лошади чувствуютъ тоже. На такой высотѣ вѣтры еще сильнѣе, чѣмъ внизу, а бури со снѣгомъ зимой, пылью и пескомъ — лѣтомъ ужасны. Погода зимой самая непостоянная: по ночамъ морозы до тридцати градусовъ, а днемъ оттепель. Деревья здѣсь уже не растутъ, а лишь трава да небольшіе кустарники. Даже кочевникамъ трудно здѣсь жить, за то раздолье дикимъ животнымъ. Цѣлыми стадами длинношерстные криворогіе яки (дикіе горные быки) и разныхъ породъ дикія козы пасутся на обширныхъ лугахъ.

Еще въ Цайдимѣ нашихъ путниковъ пугали тибетскими разбойниками, не дающими проходу караванамъ купцовъ и богомольцевъ, идущихъ въ Лхассу. Дѣйствительно, по дорогѣ не разъ попадались кости убитыхъ: трупы живо съѣдались волками и медвѣдями, а кости оставались напоминать путникамъ объ грозящей имъ участи. Но разбойниковъ пока не встрѣчалось. 7 ноября пріѣхала на стоянку каравана конная партія племени еграевъ, какъ они сами себя называютъ. Пріѣхали они продавать масло, но стали грабить; тогда весь

отрядъ схватился за винтовки и разбойники ускакали. Всю слѣдующую ночь были слышны ихъ крики по сосѣднимъ горамъ. На другой день, лишь караванъ тронулся въ путь и вошелъ въ ущелье между горами, какъ три конныя толпы показались съ трехъ сторонъ. Отступать было некуда, враги окружили, да и усталые верблюды не дошли бы назадъ 700 верстъ до Цайдама, ближайшаго мѣста, гдѣ можно было бы оправиться, къ тому же еграи на отличныхъ лошадяхъ—отъ нихъ не уйдешь. Оставалось одно—идти впередъ. И караванъ шелъ дальше. Тогда разбойники съ криками бросились на него. Пржевальскій приказалъ остановиться, подпустилъ ихъ шаговъ на семьсотъ, и далъ по нимъ залпъ изъ всѣхъ винтовокъ, нѣсколько всадниковъ попадали съ лошадей, прочіе подхватили упавшихъ и бросились въ разсыпную. Затѣмъ они остановились, послѣзали съ лошадей и изъ-за нихъ стали стрѣлять, но куда!—ихъ пули не пролетали и четверти разстоянія. Пржевальскій приказываетъ поднять прицѣлы на 1,800 шаговъ (больше версты) и новый залпъ настигаетъ разбойниковъ, считавшихъ себя въ безопасности. Это ихъ такъ поразило, что они бросились на лошадей, понеслись, и больше не появлялись.

Караванъ шелъ дальше, не тревожимый

больше еграями, но у горы Бумза на встрѣчу вышелъ отрядъ тибетскихъ солдатъ и начальникъ его просилъ Пржевальскаго остановиться, говоря, что ему не приказано дальше пускать чужеземцевъ, что за нимъ идетъ цѣлое войско, а изъ Лхассы выѣхало большое посольство къ начальнику чужеземцевъ. Дѣлать нечего, пришлось остановиться въ ожиданіи пословъ, съ которыми бы можно было переговорить. Тѣмъ временемъ Николай Михайловичъ черезъ монгольскаго переводчика разговаривалъ съ тибетскими солдатами, которые говорили, что ихъ собрали большое войско, что они обѣщали храбро драться, чтобы не допустить чужеземцевъ въ святой городъ Лхассу—жилище Далай-Ламы; начальство обѣщало казнить смертію всякаго, кто побѣжитъ,—«но что же, говорили они простодушно, можемъ мы противъ вашей храбрости и вашихъ ружей?!» Слухъ о побѣдѣ надъ еграями, страшными и непобѣдимыми до сихъ поръ разбойниками, разнесся по всей странѣ. Еграи разсказывали, что русскіе треглазы (они принимали кокарду на фуражкахъ за третій глазъ), что ружья ихъ бьютъ безконечно и заряжать ихъ не надо, а сами они неуязвимы ни пулей, ни копьемъ. Потомъ тибетцы передавали, что имъ китайцы говорили, будто русскіе идутъ искать зо-

лото и хотятъ украсть Далай-Ламу. Наконецъ пріѣхало посольство изъ Лхассы. Разбили свои палатки непадалеку отъ стоянки нашихъ и на другой день пришли къ Пржевальскому. Но пришелъ не самъ посолъ, а только его люди. Трусливые и низкопоклонные передъ сильными, тибетцы, какъ и всѣ азіатскіе народы, очень любятъ повеличаться предъ кѣмъ только можно. Такъ и теперь посолъ думалъ, стоитъ ли идти къ чужеземцу, который пришелъ такъ издалека въ сопровожденіи лишь двѣнадцати человѣкъ,—ему, пришедшему съ тысячной свитой, и послалъ своихъ подчиненныхъ. Хорошо успѣлъ узнать азіатовъ за время своихъ странствій Николая Михайловичъ и теперь, когда пришли къ нему посланные, не вышелъ изъ своей палатки, а велѣлъ сказать имъ, что будетъ разговаривать только съ самимъ посломъ. Ему отвѣчаютъ: «посолъ, молъ, боленъ» (всегдашняя хитрость азіатовъ) «и самъ идти не можетъ». «Коли посолъ заболѣлъ, такъ я завтра самъ пойду въ вашу столицу», отвѣчалъ Пржевальскій. Вернулись посланные къ своему начальнику, говорятъ про отвѣтъ русскаго. Испугались тибетцы, ихъ хоть и тысячи, а русскихъ всего тринадцать человѣкъ, да вѣдь слыхали они, какъ эти тринадцать человѣкъ черезъ цѣлое племя разбой-

никовъ еграевъ пробились; дѣлать нечего, сбавилъ спѣси посолъ, болѣзни какъ и не бывало—идетъ къ Пржевальскому. Пришелъ посолъ со своими товарищами въ палатку; сѣли, сначала спрашиваетъ посолъ про здоровье, какъ это по ихъ обычаю слѣдуетъ всегда, потомъ начинаетъ уговаривать Пржевальскаго не ходить въ ихъ землю, говоритъ: до сихъ поръ къ намъ ходили съ сѣвера только три народа: монголы, тангуты, китайцы, и они одной съ нами вѣры, а земля наша святая, и городъ нашъ святой, и никакъ васъ пустить мы не можемъ; уходите только, и мы вамъ денегъ дадимъ, сколько хотите, за всѣ ваши издержки». Видитъ Николай Михайловичъ, что съ ними нечего говорить, затвердили: иной вѣры, да и только. Весь народъ не переспорить, да и съ войскомъ, хоть и дряннымъ, а все-таки тысячнымъ, неизвѣстно, какъ еще справишься, а коли и съ войскомъ раздѣлаешься, такъ вѣдь вся страна, весь народъ еще останутся, и рѣшилъ отвѣтить послу такъ: что денегъ ему не надо, не за деньгами онъ пришелъ, а для науки, ихъ страну увидать, какъ они живутъ посмотрѣть и потребовалъ, чтобы они дали ему бумагу и написали въ ней, по какой причинѣ его пускать не хотятъ. Такъ и не удалось попасть въ ихъ святой городъ, кото-

раго до сихъ поръ такъ-таки ни одинъ европеецъ и не видѣлъ. Сами тибетцы говорятъ, что въ Лхассѣ живетъ больше пятидесяти тысячъ человѣкъ. построенъ онъ весь изъ камня и полонъ церквей ихъ—кумиренъ; что самая большая кумирня та, гдѣ живетъ Далай-Лама, и по извѣстнымъ днямъ сидитъ онъ на престолѣ, къ нему допускаютъ богомольцевъ и онъ руку на голову возлагаетъ и прощаетъ тѣмъ всѣ грѣхи человѣку, а вокругъ Далай-Ламы стоятъ все кутухты (главные жрецы) и простые ламы. И нѣтъ такого грѣха, который бы въ святомъ городѣ не былъ прощенъ.

Сами тибетцы похожи немного на нашихъ татаръ, немного на цыганъ, только росту они небольшого и сложенія слабаго. Цвѣтъ ихъ кожи какъ бы свѣтлаго кофе, усовъ и бороды почти нѣтъ, волосы черные, длинные — плетутъ въ косу, заплетая въ нее нитки, костяшки, мѣдныя и серебрянныя украшенія. Носятъ они лисьи и бараньи шапки, длинныя бараньи шубы, спущенныя съ праваго плеча, сапоги суконные до колѣнъ; рубахъ и штановъ и въ заводѣ нѣтъ. Зиму и лѣто тибетцы живутъ въ черныхъ палаткахъ, сотканныхъ изъ волоса яковъ,—дикихъ горныхъ быковъ, которые и составляютъ главное ихъ богатство. Мясо яка ѣдятъ, молоко пьютъ и дѣлаютъ изъ него сыръ

и творогъ, изъ шерсти ткутъ сукно. На якахъ и верхомъ ѣздятъ, и грузы вьюкомъ возятъ, наконецъ пометъ ихъ—это единственное топливо. Кромѣ яковъ, держатъ еще барановъ и лошадей. Между прочими обычаями, здороваясь, тибетцы высовываютъ языкъ, прощаясь, стукаются лбами. Въ обратный путь Пржевальскій рѣшился идти другой дорогой и пошелъ черезъ китайскія земли на Желтую рѣку и на пограничный городъ Ургу.

Въ ноябрѣ 1883 года Пржевальскій пустился въ четвертый разъ въ глубь Азіи, ставя себѣ на этотъ разъ задачею изслѣдовать истоки Желтой рѣки, сѣверную часть Тибета и еще разъ попытаться дойти до столицы Далай-Ламы. Путь на этотъ разъ онъ избралъ старый, отъ Кяхты, какъ болѣе знакомый, по которому можно было скорѣе и легче добраться до неизвѣстныхъ мѣстъ. Черезъ два мѣсяца достигъ онъ города Дынь-юань-инъ, гдѣ нашелъ радушный пріемъ у старыхъ знакомыхъ, алашаньскихъ князей.

Пополнивъ запасы, онъ направился отыскивать истоки Желтой рѣки, одной изъ самыхъ большихъ рѣкъ въ мірѣ, воды которой орошаютъ половину Китая. Найдя ея истоки, у которыхъ еще не былъ ни одинъ европеецъ, Пржевальскій направился въ Тибетъ. Приходи-

лось все время идти страною, населенною племенемъ тангутовъ. Тангуты походятъ на тибетцевъ, только выше ихъ ростомъ и коренастѣе. Они такъ же одѣваются, такъ же занимаются скотоводствомъ, но нѣкоторые еще сѣютъ и ячмень; такія поля можно видѣть близь кумиренъ. Тангуты храбрѣе тибетцевъ и часто дѣлаютъ набѣги на сосѣдей и грабятъ идущіе въ Тибетъ караваны. Шли проливные дожди и походъ былъ очень тяжелъ,—всѣ рѣки и ручьи были переполнены водою. Животныя и лошади, а въ особенности верблюды, едва вытаскивали ноги изъ грязи. Оружіе ржавѣло. Одежда и войлоки, замѣнявшіе все время постели, промокли. Кромѣ того приходилось быть на сторожѣ, потому что однажды ночью на стоянкѣ стрѣляли изъ-за сосѣднихъ холмовъ, другой разъ дежурный казакъ заслышалъ вдали конскій топотъ и немедленно разбудилъ весь отрядъ. Схвативъ винтовки, всѣ выскочили изъ палатокъ и, подпустивъ врага совсѣмъ близко, встрѣтили огнемъ. Расчитывавшіе напасть врасплохъ, тангуты бросились назадъ, подобравъ однако убитыхъ и раненыхъ своихъ товарищей: по ихъ повѣрію, если не привезти тѣла убитаго домой, то душа его будетъ мстить всему хошуну—такъ называютъ они деревню по своему. Черезъ нѣсколько дней разбойники

опять напали, но на этотъ разъ днемъ. Замѣтивъ ихъ во-время, караванъ успѣлъ приготовиться къ защитѣ. Словно туча неслась толпа всадниковъ; какъ частоколъ мелькали ихъ пики, и по вѣтру развѣвались ихъ черные волосы и черныя длинныя одежды. Подпустивъ ихъ шаговъ на пятьсотъ, Пржевальскій скомандовалъ залпъ, а затѣмъ бѣглый огонь. Толпа все несется, но вотъ отъ мѣткой пули падаетъ ихъ начальникъ, въ толпѣ видно замѣшательство, еще многіе валятся, и вся шайка поворачиваетъ назадъ, на скаку подымая упавшихъ. Но отъѣхавъ нѣсколько сотъ шаговъ, разбойники останавливаются и залегаютъ за холмами. Оставлять такихъ сосѣдей на ночь невозможно, и потому, оставивъ нѣсколько казаковъ у стоянки, Николай Михайловичъ съ остальными идетъ на враговъ. Видя ихъ приближеніе, тангуты бросаются къ лошадямъ и скачутъ кто куда. Цѣлую ночь караванъ ожидалъ внезапнаго нападенія, но напрасно. Днемъ тангуты получили такой урокъ, что охота нападать на русскихъ у нихъ пропала. Оправившись отъ нападенія и отдохнувъ, Пржевальскій продолжалъ свой путь, но отъ трудовъ, отъ сырой погоды и болотистой почвы стали болѣть и падать верблюды. Идти дальше значило потерять верблюдовъ, а съ ними и всѣ

запасы, которыхъ не увезти на однихъ верховыхъ лошадяхъ, безъ запасовъ же впереди лишь одна голодная смерть. Приходилось снова возвращаться.

Караванъ вышелъ на старый путь на озеро Лобъ-Норъ, куда Пржевальскій ходилъ въ свое второе путешествіе. Населеніе встрѣчало русскихъ дружелюбно тамъ, гдѣ караванъ появлялся неожиданно, гдѣ китайскіе чиновники не успѣли возстановить народъ противъ русскихъ. Разъ чиновники научили проводника вести караванъ черезъ засѣянное поле, чтобы потоптать его. Тогда при ночлегѣ Пржевальскій собралъ жителей той деревни, чье поле потопталъ, и заплатилъ за потраву, а проводника велѣлъ наказать при всѣхъ. Не довольствуясь такими кознями, китайцы разсказывали про русскихъ всякія небылицы, говорили будто они въ ящикахъ, гдѣ лежали собранныя растенія, шкуры и чучелы птицъ и звѣрей, добытыя въ неизвѣстныхъ странахъ, везутъ засушенныя тѣла солдатъ. Но не смотря на всѣ козни, караванъ благополучно достигъ русской земли.

Слава знаменитаго русскаго путешественника прошла и за границу, весь ученый и грамотный міръ слѣдилъ за его открытіями, читалъ описанія его путешествій. Государь Императоръ щедро наградилъ его за службу и въ 1886 году произвелъ его въ генералы. Ака-

демія наукъ составила описаніе предметовъ, имъ привезенныхъ.

Четыре странствія совершилъ Николай Михайловичъ по пустынямъ азіатскимъ, но любовь къ наукѣ не давала ему отдыхать. Въ октябрѣ 1888 года онъ снова собрался въ путь и былъ уже близь китайской границы, въ маленькомъ городѣ Караколѣ, оканчивая послѣдніе сборы, какъ вдругъ, случайно простудившись на охотѣ, онъ слегъ. Семь лѣтъ скитаній по пустынямъ среди трудовъ и лишеній подорвали могучее здоровье, никакое лѣченіе не помогло, и утромъ 20 октября, простившись съ товарищами, солдатами и казаками, сподвижниками его прежнихъ странствій, скончался славный русскій путешественникъ, обогатившій ученый міръ своими изслѣдованіями далекихъ странъ, а отечество еще однимъ доблестнымъ именемъ.

Государь Императоръ (11 марта 1889 г.) Высочайше соизволилъ на переименованіе города Каракола въ *Пржевальскъ* для увѣковѣченія въ Средней Азіи памяти Николая Михайловича Пржевальскаго.

Лѣтомъ 1894 года, въ городѣ Пржевальскѣ состоялось открытіе памятника знаменитому путешественнику.

